

Коробенкова, Н. Сослать по классовому признаку [о семье Арсентьевых] / Н. Коробенкова. – Текст: непосредственный // Бичурский хлебороб. – 30 нояб. (№ 80). – С. 3. – Продолжение: Начало: 16 нояб. (№76).

Сослать по классовому признаку

В преследовании и ликвидации семьи Арсентьевых, как и сотен других семей, была своя закономерность. Она запрограммирована теорией «классовой борьбы». Дед Раисы Георгиевны Степановой Евтихей Арсентьев его сыновья пустили крепкие корни. Не сразу стали на ноги, но построили дома, привели невест. Стены огласились детским смехом и топотом. Семьи были многодетные. Но крепкие хозяева (не говорим об истинных мироедах) в глазах другой части населения стали знаком кулацкого богатства, а их работающие обитатели — кулаками. Что скрывать, идея всеобщей уравниловки не принесла добра так же, как воспевание равноправия бедноты. Больно говорить, но людей стали уважать не за трудолюбие. Кое-кого стали бояться за близость к власти. Поплатились и Арсентьевы. Если под кулаков «подводили» (в ходу было это слово) тех, у кого была швейная машинка, то что говорить о них. У деда Раисы Георгиевны были свои магазины и особняк в Верхнеудинске. Один из них на углу улиц Кирова и Коммунистической. В этом здании в разные годы — уже в наше время — были пельменная, кондитерский магазин, машиносчетная станция. «Мне в бытность работы в райпотребсоюзе приходилось бывать с отчетами на машиносчетной станции. Она занимала лишь малую часть особняка. Так хотелось обойти здание. Все основательное, массивное строилось на века. Но я отгоняла эти мысли, подавляла свое желание», — вспоминает Раиса Георгиевна.

Послушаем ее невеселое повествование о своей судьбе и о судьбе ее близких.

Я, Степанова (Арсентьева) Раиса Георгиевна, единственная оставшаяся в живых из старшего поколения нашего рода. Мой отец, уроженец Елани, Арсентьев Георгий Евтихеевич, был старшим сыном в большой крестьянской семье. Его брат Петр был арестован в тридцатые годы и исчез бесследно. Николай сослан в ссылку и там утонул. Неизвестно, куда сгинул самый младший — Василий. Братцев реабилитировали, а жены с детьми давным-давно разбрелись по свету по чужим углам. Мой отец умер в Харбине — китайской столице русской эмиграции. Я его не помню.

Никогда я не рассказывала об этом, да и сейчас не знаю, нужно ли это кому-то. Но столько пережито в детстве и молодости, столько постоянного внутреннего напряжения в зрелые годы, столько горьких, липких

воспоминаний сейчас, что решаюсь: расскажу о своей семье и о себе.

Мой отец познакомился с мамой Вассой Иннокентьевной в конце прошлого века. Он, как я сказала, из Елани, она единственная Дочь своих родителей, и зять, мой отец, пришел в их дом на Заганском Станке. Здесь в 1916 году родилась я. Крестилась в Новоникольске, относящемся тогда к Малете. Недавно из Читинского архива получила свое свидетельство о рождении. До сих пор не знала точно дня своего рождения.

Мои родители были зажиточными. Сеяли хлеб, держали скот, позже прямо в своем доме отец открыл лавочку, где продавал соль, чай, спички. Все это он привозил из Верхнеудинска. Во время гражданской войны японцы дотла сожгли нашу усадьбу. И не только нашу. Обустроивались заново. Отец был неутомимым тружеником и брался за всякое дело.

Нас в семье было пятеро детей. Я младшая. Когда подросли братья, семья выехала в Верхнеудинск. Отец хотел дать детям образование.

Старший брат Роман успел закончить гимназию. В Верхнеудинске жил наш дед. А по улице Смолина и ныне, говорят, стоит кирпичный дом, построенный отцом. Во дворе двухэтажный флигель. Я никогда не была там. Знаю о нем по рассказам ныне ушедшей из жизни старшей сестры Екатерины.

В чем его вина и есть ли вина, не знаю. Их гнали, из Бичуры в Мухоршибирь, наверное, не меньше, если не больше трехсот человек. Шли пешком в сопровождении конных и пеших охранников. Мы жили на Станке, стояли во дворе, за воротами, и в щелочки смотрели, смотрели... Выйти было страшно. Мама все равно выбежала и увидела его. На конях ездил с передачей в Мухоршибирь, в Улан-Удэ, искала сына, но передачу не принимали, говорили: его здесь нет, и не ищите. О его судьбе мы ничего не знаем до сих пор.

Настала пора третьего брата, Ильи. В колхоз нас не принимали, и Илья (он остался за хозяина, и было ему 19 лет) получил твердое задание по хлебозаготовкам. Хлеб он сдал. Дали задание по лесозаготовкам. Надо было заготовить и сдать 40 кубометров леса. Сдашь 40 — дадут новое задание. Так уже случалось с другими. Это не по силам нашей семье, где был фактически один работник. Илью арестовали за невыполнение твердого задания и увезли в Мухоршибирь. Маму со мной выселили из дома и вынесли решение: сослать на ссылку.

Все, что имелось в хозяйстве, конфисковали. Кому-то отдали дом, потом, говорят, его распилили на дрова. Увезли амбары. Скот угнали в коммуну «10 лет Октября» в улус Бильчир (ныне КХ «Бичурское»). Как и у других раскулаченных растащили все постройки: баню, сарай, инвентарь, упряжь, утварь — все. Нет, одну кобылицу оставили. Наскоро собрались (даже муки не

взяли: не знали же, куда и на сколько гонят), испекли хлеба, взяли говяжьего жира (сала не было: свиней мало тогда держали) и в путь.

Гнали нас длинный обоз — бичурских, мухоршибирских и, кажется, кяхтинских. В Петровском загрузили в вагоны, целый состав. Да, пропустила. Когда проходили Мухоршибирь, обоз остановили. Вся улица запружена. Устали, приткнулись прямо у дороги. И тут из тюрьмы выводят мужчин, к нам присоединяют. И среди них Илья. Мама обрадовалась: хоть вместе будем, а то мама старенькая, а я недоросток. Сопровождали нас верховые. В красных товарняках, в которых везли с Петровского, окон нет. Куда везут, не говорят. Как долго ехать, не знаем. Еда кончилась.

Вот и Камарчага. Это красивое большое село в Красноярском крае. Лес, степь, пригорки. Места живописные, да разве мы тогда это видели? Сгрузили. У кого были палатки, начали устраиваться. У кого нет, располагались на голом месте. Благо, лето было. Несколько раз делали перекличку, зарегистрировали и поставили каждому какие-то уколы под лопатку. Потом на лошадях к реке Мана.

Река мощная, больше Хилка. Начали грузить на плоты. Плоты скреплены тальником и березовыми ветками. Кажется, вот-вот рассыпятся. Думали, утопить хотят. Бичурские мужчины на все мастера. Весла в руки и вперед. По пути рабсилу распределяли по участкам, кого куда. Наверное, с местной властью было согласовано.

Прибыли. Глушь. Нетронутая тайга. Левый берег Маны. Мужчин сразу отправили на лесосплав. Они (в т. ч. и Илья) гоняли плоты до устья Енисея. Бывали случаи, что и тонули. А мы должны были расчищать просеку для узкоколейки. Ее еще до нас начали вести. Стоял даже маленький паровозик. Мы расчищали место под колею в глубь тайги. Подростки (мне было 14 лет) выкорчевывали пни, рубили сучья, оттаскивали деревья на обочину. Женщины постарше валили деревья. Жили в палатках. Своих вещей — потник, жиденькая подушка и одежда, что на себя. Бани не было. Мылись в реке. Еда — норма хлеба, вяленая рыба. В реке всякая рыба водилась. У кого снасти были, кормились рыбой. У нас ничего не было. Спецуполномоченные получали хлеб, и бригадир делил пайки на всех. Дорог сюда не было. Было два пути: верхами на лошадях по тропам или лодках. Нас высадили на левом берегу, а справа, когда проплывали по реке, видели там-сям хохлацкие хутора по 2—3 дома. Рассказывают, кое-кто после освобождения остался здесь, зажили нормально.

Становилось холодно. К зиме часть мужчин оставили на берегу. Они начали рубить из круглого леса бараки на 6-8 семей. Мне в бараке жить не пришлось, т. к. нас перевели на центральный участок, на лесозаготовки. Здесь

было общежитие, столовая, конный двор, леспромхозовская контора, баня. Жить было полегче, а работать труднее. Конвоиров, правда, не было, бригадиры свои. В бригаде 10 человек: восемь парней, две женщины или девушки. Осень и всю зиму по санному пути возили лес к реке Мана. Бригадиром у нас был Крюков из Малеты. Норма — один рейс из леса до берега обязательно. Погрузишь на сани бревно и самое трудное — от разработки добраться до дороги в логотине. Не помню, что на ногах было. Рукавицы давали. Снега много, холодно. В столовой кормили супом, иногда с медвежатиной. Я ее есть не могла. Бульон съем, а мясо ребятам отдам, кто рядом оказывался.

Летом отправили на сплав. Гоняли плоты с подружкой из Харашибири Верой Черных. Какие мы, девчонки, плотогоны! Голова кружится, вода винтом, а что делать, привыкай. С нами был пожилой мужчина. Имя его я забыла.

Шли месяцы, а казалось — позади целая жизнь. Мы с подружкой Шурой Бутаковой (она из Елани и старше меня) решились на отчаянный шаг — бежать. Мама поплакала, но отговаривать не стала, даже какую-то справку достала. Сэкономила муки на круглую булочку хлеба и проводила на лодке за речку. Дальше по непролазной тайге нас проводил один добрый человек из ближнего хутора, потому что одним было бы не выйти к большому селу, откуда начиналась дорога. Идти было страшно еще и потому, что вся округа была в панике вот по какой причине. В те годы страшная засуха поразила Украину, Поволжье и Киргизию. Начался повальный голод. Ходили, слухи, что киргизы, которые появились в этих краях, ловят людей и поедают их. Киргизов боялись, как огня.

Долго рассказывать про все мытарства, но вот мы наконец на железнодорожной станции, рели на поезд, забрались на верхние полки, будто спим. Какой сон! Одну-две станции проехали благополучно. А тут проверка. Сняли мою беспаспортную подружку с поезда. Меня спасла та справка. Успела я сунуть Шуре сумочку с краюшкой хлеба и все. Что с ней случилось дальше, не знаю. Спрашивала еланцев, и они в неведении о ее судьбе.

Иркутск. Здесь пересадка на Улан-Удэ. Народу на вокзале — не то яблоку, семечку от яблока некуда упасть. Узлы, мешки, дети, цыгане—к кассе не пробиться, и денег не хватает. И тут нашелся добрый человек. Его фамилия Завьялов врезалась в память на всю жизнь. Имени не знаю. Он студент, ехал до Слюдянки. Он и предложил: «Давай без билета. Попробуем пролезть». Лезом лезли. Он меня протолкнул. Пристроились возле семьи с детьми. В Улан-Удэ приняла меня жена брата Романа. Кое-как устроилась работать. Паспорт так и не получила. Лишь в тридцать четвертом вышло послабление. Народ стал

оттуда разъезжаться. Вернулись и Илья с мамой на станцию Илька. Потом брат переехал в Петровский Завод, работал в леспромхозе. Прожил он после ссылки три года. Было ему всего двадцать семь. Домой, на Станок, мы глаз не показывали. А тут — первые выборы в Верховный Совет и Сталинская Конституция. Мама прочитала газету и восторжествовала: вернули нам право голоса. Только кому «нам»: полсемьи не осталось.

Мы с мужем Василием Николаевичем долго хлопотали, чтоб получить документы, подтверждающие мое пребывание на спецпоселении и факт репрессий в отношении нашей семьи. Вот оно, свидетельство за № 122922: «К семье Арсентьевых применены репрессии по политическим мотивам в административном порядке по классовому признаку».

А что кроется за этой сухой фразой и официальной формулировкой, я вам рассказала.

Записала Н. КОРОБЕНКОВА.